

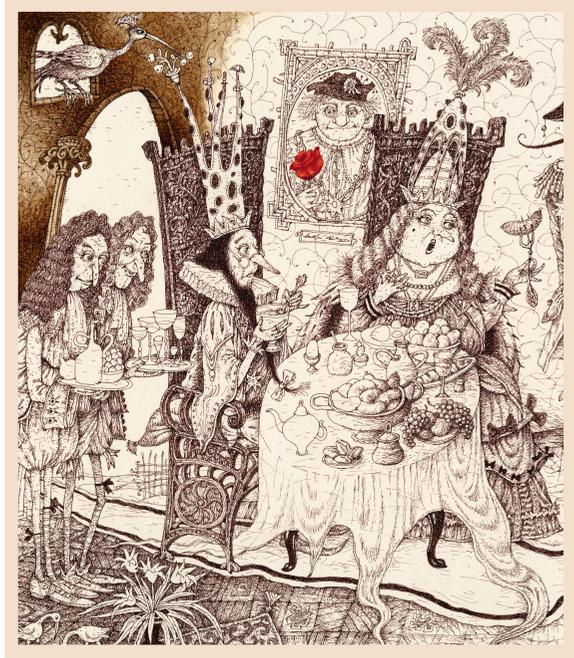

Уильям Теккерей

Рисунки Е. Антоненкова

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Пролог

Случилось так, что автор провёл прошлое Рождество за границей, в чужом городе, где собралось много английских детей.

В этом городе не достать было даже волшебного фонаря, чтобы устроить детям праздник, и, уж конечно, негде было купить смешных бумажных кукол, которыми у нас дети так любят играть на Рождество, — короля, королеву, даму с кавалером, щёголя, воина и других героев карнавала.

Моя приятельница, мисс Банч, гувернантка в большой семье, жившей в бельэтаже того же дома, что и я с моими питомцами (это был дворец Понятовского в Риме, в нижнем этаже которого помещалась лавка господ Спиллмен — лучших в мире кондитеров), так вот, мисс Банч попросила меня нарисовать эти фигурки, чтобы порадовать нашу детвору.

Мисс Банч всегда умеет выдумать что-нибудь смешное, и мы с ней сочинили по моим рисункам целую историю и вечерами читали её в лицах детям, так что для них это был настоящий спектакль.

Наших маленьких друзей очень потешали приключения Перекориля, Обалду, Розальбы и Анжелики. Не стану скрывать, что появление живого привратника вызвало бурю восторга, а бессильная ярость графини Спускунет была встречена общим ликованием.

И тогда я подумал: если эта история так понравилась одним детям, почему бы ей не порадовать и других? Через несколько дней школьники вернутся в колледжи, где займутся делом и под надзором своих заботливых наставников будут обучаться всякой премудрости. Но пока что у нас каникулы — так давайте же посмеёмся, повеселимся вволю. А вам, старшие, тоже не грех немножко пошутить, поплясать, подурачиться. Засим автор желает вам счастливых праздников и приглашает на представление.

*М. А. Титмарш
Декабрь 1854 года*

Глава I,
←—————→
в которой королевская семья
усаживается завтракать

*Завтрак царственных господ.
Всех злодеев кара ждёт!*

Вот перед вами повелитель Пафлагонии Храбус XXIV; он сидит со своей супругой и единственным своим чадом за королевским завтраком и читает только что полученное письмо, а в письме говорится о скором приезде принца Обалду, сына и наследника короля Заграбастала, ныне правящего Понтией. Посмотрите, каким удовольствием светится монаршее лицо! Он так увлечён письмом понтийского владыки, что не дотронулся до августейших булочек, а поданные ему на завтрак яйца успели уже совсем остыть.

— Что я слышу?! Тот самый Обалду, несравненный повеса и смельчак?! — вскричала принцесса Анжелика. — Он так хорош собой, учён и остроумен! Он побил сто тысяч великанов и победил в сражении при Тиримбумбуме!

— А кто тебе о нём рассказал, душечка? — осведомился король.

— Птичка начирикала, — ответила Анжелика.

— Бедный Перекориль! — вздохнула её маменька и налила себе чаю.

— Да ну его! — воскликнула Анжелика и встряхнула головкой, зашуршав при этом целой тучей папильоток.

— Лучше б ему... — заворчал король.

— А ему и впрямь лучше, мой друг, — заметила королева. — Так мне сообщила служанка Анжелики Бетсінда, когда утром подавала мне чай.

— Всё чаи распиваете, — мрачно промолвил монарх.

— Уж лучше пить чай, чем портвейн или бренди с содовой, — возразила королева.

— Я ведь только хотел сказать, что вы большая чаёвница, душечка, — сказал повелитель Пафлагонии, силясь побороть раздражение. — Надеюсь, Анжелика, у тебя нет нужды в новых нарядах? Счета твоих портних весьма внушительны. А вам, дражайшая королева, надо позаботиться о предстоящих торжествах. Я бы предпочёл обеды, но вы, конечно, потребуете, чтобы мы давали балы. Я уже видеть не могу это ваше голубое бархатное платье — сносу ему нету! А ещё, душа моя, мне бы хотелось, чтобы на вас было какое-нибудь новое ожерелье. Закажите себе! Только не дороже ста, ну ста пятидесяти тысяч фунтов.

— А как же Перекориль, мой друг? — спросила королева.

— Пусть он идёт...

— Это о родном-то племяннике, сэр! Единственном сыне покойного монарха?!

— Пусть он идёт к портному и заказывает, что нужно, а счета отдаст Разворолю — тот их оплатит. Чтоб ему ни дна ни покрывки, то бишь всех благ! Он не должен ни в чём знать нужды. Выдайте ему две гинеи на карманные расходы, душечка, а себе заодно с ожерельем закажите ещё и браслеты.

Её величество, или сударыня-королева, как шутливо величал свою супругу монарх (ведь короли тоже не прочь пошутить с близкими, а эта семья жила в большой дружбе), обняла мужа и, обвинив рукой стан дочери, вышла вместе с нею из столовой, чтобы всё приготовить для приёма высокого гостя.

Едва они удалились, как улыбка, сиявшая на лице отца и повелителя, исчезла, а с ней вместе и вся его королевская важность, и остался лишь человек наедине с самим собою. Обладай я даром Д.-П.-Р. Джеймса, я бы в красках описал душевные терзания Храбуса, его сверкающий взор и раздутые ноздри, а также его халат, носовой платок и туфли. Но поскольку я не обладаю таким талантом, скажу лишь, что Храбус остался наедине с собою.

Он схватил одну из многочисленных яичных рюмочек, украшавших королевский стол, кинулся к буфету, вытащил бутылку бренди, налил себе и раз и два, потом поставил на место рюмку, хрипло захохотал и воскликнул:

— Теперь, Храбус, ты опять человек! Увы! — продолжал он (к сожалению, снова прикладываясь к рюмке). — Пока я не стал королём, не тянуло меня к этой отраве. Я не пил ничего, кроме ключевой воды, а подогретого бренди и в рот не брал. Быстрее горного ручейка бежал я с мушкетом по лесу, стряхивая с веток росу, и стрелял куропаток, бекасов или рогатых оленей. Воистину прав английский драматург, сказавший: «Да, нелегко нам преклонить главу, когда она увенчана короной!» И зачем только я отнял её у племянника, у юного Перекориля! Что я сказал? Отнял? Нет, нет! Не отнял, нет! Исчезни это мерзостное слово! Я просто на главу свою достойную надел венец монарший Пафлагона. И ныне я держу в одной руке наследный скипетр. А другой рукою державу Пафлагонскую сжимаю! Ну мог бы разве бедный сей малыш, сопливый хныкалка, что был вчера при няньке, и грудь просил, и кланчил леденца, ну мог ли он короны тяжесть снести? И мог ли, препоясавшись мечом монарший наших предков, выйти в поле, чтоб биться с этим мерзким супостатом?!

Так его величество продолжал убеждать себя (хотя, разумеется, белый стих ещё не довод), что владеть присвоенным — прямой его долг и что если раньше он хотел вознаградить пострадавшую сторону и даже знал, как это сделать, то ныне, когда представился случай заключить столь желанный брачный союз и тем самым объединить две страны и два народа, которые доселе вели кровопролитные и разорительные войны, а именно: пафлагонцев и понтийцев, — он должен отказаться от мысли вернуть Перекорилю корону. Будь жив его брат, король Сейвио, он сам ради этого отобрал бы её у родного сына.

Вот как легко нам себя обмануть! Как легко принять желаемое за должное!

Король воспрянул духом, прочёл газеты, доел яйца и булочки и позвонил в колокольчик, чтобы явился первый министр. А королева, поразмыслив о том, идти ей к больному Перекорилю или нет, сказала себе:

— Это не к спеху. Делу время, а потехе час. Перекориля я навещу после обеда. А сейчас займусь делом — поеду к ювелиру, закажу ожерелье и браслеты.

Принцесса же поднялась к себе и велела своей служанке Бетсинде вытащить из сундуков все наряды.

А о Перекориле они и думать забыли, как я про обед, съеденный год назад.

Глава II,

←—————→
рассказывающая о том, как Храбус получил корону,
а Перекориль её потерял

*А наш Храбус, как на грех,
Вёл себя не лучше всех!*

Тысячелетий десять или двенадцать тому назад в Пафлагонии, как и в некоторых иных государствах, ещё не было, по-видимому, закона о престолонаследии. Во всяком случае, когда скончался венценосный Сейвио и оставил брата опекуном своего осиротевшего сына и регентом, сей вероломный родственник и не подумал исполнить волю покойного монарха. Он объявил себя королём Храбусом XXIV, устроил пышную коронацию и повелел отечественному дворянству присягнуть себе на верность. И пока Храбус устраивал придворные балы, раздавал деньги и хлебные должности, пафлагонское дворянство не очень беспоко-

илось о том, кто сидит на престоле; что же до простого люда, то он в те времена отличался подобным же равнодушием.

Когда скончался венценосный Сейвио, его сын Перекориль был ещё юн годами, а посему не очень огорчился утратой короны и власти. У него было вдоволь сластей и игрушек, он бездельничал пять дней в неделю, а когда немного подрос, мог ездить верхом на охоту, а главное — наслаждаться обществом милой кузины, единственной дочери короля, — и бедняга был рад-радёшенек; он ничуть не завидовал дядиной мантии и скипетру, его большому, неудобному, жёсткому трону и тяжёлой короне, которую тот носил с утра до ночи.

Взгляните на дошедший до нас портрет Храбуса, и вы, наверное, согласитесь со мной, что подчас он, должно быть, порядком уставал от своих бархатных одежд, горностая, бриллиантов и прочего великолепия. Нет, не хотел бы я париться в этой жаркой мантии с такой вот штукой на голове!

*Вот сидит наш Храбус слева,
А напротив — королева.*

Что касается королевы, то в юности она, наверно, была миловидна, и, хотя с годами несколько располнела, черты её, как легко заметить на портрете, сохранили некоторую приятность. А если она и была охотницей до сплетен, карт, нарядов и лести, то будем к ней снисходительны: ведь мы и сами немало этим грешим. Она была добра к племяннику; и если чувствовала порой укоры совести из-за того, что муж её отнял корону у юного принца, то утешалась мыслью, что пусть его величество и захватчик, но человек приличный, и после его смерти Перекориль воссядет на престол вместе со своей нежно любимой кузиной.

Первым министром был старый сановник Развороль; он с горячей душой присягнул Храбусу на верность, и монарх доверил ему все заботы о делах государства. Ведь Храбус только того и хотел, что тратить побольше денег, слушать льстивые речи, охотиться день-деньской и иметь поменьше хлопот. Было бы вдоволь утехи, а как расплачивался за это народ, монарха ничуть не заботило. Он затеял войну кое с кем из соседей, и пафлагонские газеты, разумеется, возвестили о его славных победах; он повелел воздвигнуть свои статуи по всему королевству, и, конечно, во всех книжных лавках продавались его портреты. Его величали Храбусом Великодушным, Храбусом Непобедимым, Храбусом Великим и тому подобное, ибо уже в те давние времена царедворцы, да и простой люд знали толк в лести.